

Б. Н. Тарасов

«МЫСЛЯЩИЙ ТРОСТНИК»

Жизнь и творчество Паскаля
в восприятии русских философов
и писателей

Второе издание

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2009

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

Тарасов Б. Н.

Т 19 «Мыслящий тростник»: Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей. — 2-е изд. — М.: Языки славянских культур, 2009. — 896 с., ил. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X

ISBN 978-5-9551-0341-9

Христианские традиции отечественной культуры обусловили особое «избирательное сродство», которое ее наиболее глубокие представители осознали по отношению к Блезу Паскалю, выдающемуся французскому ученому и мыслителю XVII столетия. На основе систематизации разнообразных материалов (в том числе архивных, малоизвестных и не публиковавшихся ранее) в книге характеризуются принципиальные факты, значимые связи, различные пути воздействия творчества и личности Паскаля на мировоззрение и литературную деятельность русских философов и писателей трех последних веков, а также раскрывается их генетическая и типологическая общность с далеко отстоящим по времени единомышленником.

Проследивая движение основных этапов биографии Паскаля от «науки» к «религии» и знакомясь с печатаемыми в приложении его «Мыслями», читатель имеет возможность точнее и вернее оценить своеобразие индивидуального восприятия тем или иным русским философом или писателем своего французского предшественника.

ББК 83.3

*В оформлении переплета использованы репродукции
иконы А. Рублева «Троица» и портрета Б. Паскаля*

*В оформлении форзацев использованы следующие материалы:
«Мемориал» Б. Паскаля, автограф «Мыслей» Б. Паскаля, рисунки А. С. Пушкина*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

IBN 978-5-9551-0341-9

© Тарасов Б. Н., 2004, 2009

© Языки славянских культур, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	7
------------------	---

Творческая биография Блеза Паскаля

I. Наука.....	11
II. Светское общество	74
III. Монастырь.....	133
IV. Борьба с иезуитами («Письма к провинциалу»).....	145
V. К высшей мудрости («Мысли»)	181
VI. Последние годы жизни	206

Паскаль и русская культура

Паскаль и русская культура в движении времени	247
Русская религиозная философия и Паскаль	277
Введение	277
А. С. Хомяков и Паскаль	315
И. В. Киреевский и Паскаль	325
В. В. Розанов и Паскаль	343
П. А. Флоренский и Паскаль	358
Л. И. Шестов и Паскаль	376
Д. С. Мережковский и Паскаль. Спор Д. С. Мережковского с Г. В. Адамовичем о судьбах христианства	389
С. Л. Франк и Паскаль	407
Б. П. Вышеславцев и Паскаль	423

Предисловие

У разных народов есть философы, писатели и художники, творчество которых в силу целого ряда исторических, религиозных, духовных и эстетических особенностей становится сокровенно близким и родственным выразителям другой национальной культуры. Наиболее глубокие русские литераторы и мыслители всегда испытывали именно такое «избирательное сродство» по отношению к Паскалю. Между тем, творческое восприятие философского и литературного наследия Паскаля отечественными писателями и мыслителями практически не изучено ни у нас в стране, ни за рубежом. Уже давно созрела необходимость и восстановления исторической справедливости по отношению к, условно говоря, «паскалевской линии», влияние которой на питаемые христианскими традициями направления русской культуры по идеологическим причинам игнорировалось гуманитарной наукой в пользу «вольтеровской». Как известно, религиозно окрашенное творчество многие десятилетия либо замалчивалось, либо подвергалось усеченному и превратному истолкованию.

Установление и характеристика принципиальных фактов, значимых связей и многообразия путей воздействия «Мыслей», «Писем к провинциалу», а также духовного своеобразия самой неповторимой личности Паскаля на мировоззрение и литературную деятельность русских писателей и философов на протяжении трех последних веков — важная задача настоящей книги. Причем речь идет не только о раскрытии непосредственного влияния и сознательного усвоения уроков французского мыслителя, но и о выявлении типологической общности (порой доходящей до полного и буквального совпадения) между его духовными устремлениями и исканиями выдающихся представителей отечественной культуры. Глубина мышления, сосредоточенность на коренных вопросах «тайны человека» и

ее напряженно-интенсивное, личностное переживание, выяснение общих и принципиальных условий человеческого существования вне зависимости от их исторических особенностей и социального наполнения, различение главного и неглавного знания, идеала и идолов, подлинности и фарисейства — эти и многие другие важные темы и проблемы творчества Паскаля находили на русской почве сочувственный отклик.

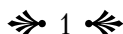
Для адекватного понимания отмеченного «избирательного сродства» важно постоянно иметь в виду своеобразие не только мысли, но и жизни Паскаля, в их конкретной полноте и внутреннем единстве, представлять реальное содержание основных этапов его биографии и внутреннюю закономерность их смены, движения от «науки» к «религии», что позволяет точнее и вернее оценить характер индивидуального осмысления русскими философами и писателями «трудов и дней» их французского предшественника.

Творческая биография Блеза Паскаля

I

Наука

1

Паскали — старинный овернский род. Эту фамилию носили две семьи. Одной из них, сеньорам де Монс, еще при Людовике XI, в 1480 году, было пожаловано дворянское звание. Другую представляли торговцы, сумевшие встать в первые ряды еще только нарождавшейся буржуазии. Из поколения в поколение Паскали занимали высокие должности в судебных палатах Оверни. В 1556 году, когда Мартин Паскаль (впоследствии дед Блеза) женился на Маргарите Паскаль де Монс, обе семьи соединились. Незадолго до женитьбы Мартин Паскаль получил высокую и выгодную должность казначея Франции, стал королевским советником и финансовым инспектором в округе Рьом. Он был третьим калачом, закалившимся в горниле общественно-политических водоворотов, и до назначения на эту должность выполнял обязанности сборщика податей в Клермоне, а затем секретаря королевы Луизы, жены Генриха III. Во времена религиозных смут он примкнул к движению Реформации, но после Варфоломеевской ночи отрекся от протестантизма.

Маргарита Паскаль родила своему мужу четверых сыновей и трех дочерей. Ответвления его семьи были многочисленны. У Паскалей стало обычаем заключать браки между двоюродными и троюродными братьями и сестрами, и Овернь представлялась им родным домом, населенным многочисленными родственниками.

Мартин Паскаль стремился воспитывать и образовывать своих детей в семейных традициях, и, как только старший сын Эть-

ен (будущий отец Блеза Паскаля) достиг соответствующего возраста, он отправил его изучать право в Парижский университет. Вернувшись в Клермон, Этьен купил должность выбранного королевского советника в Нижней Оверни, в обязанности которого входило разбирательство налоговых распрей; позднее знания и средства позволили ему сделаться вторым президентом палаты сборов.

Этьен Паскаль пользовался высоким авторитетом и уважением в округе не столько в силу репутации своей должности и весьма приличного состояния, сколько благодаря незапятнанной честности и стремлению выполнять свои весьма тонкие и сложные обязанности юриста со всей надлежащей справедливостью и неподкупностью. Это был властный и, может быть, чуть высокомерный чиновник, безраздельно преданный своему делу.

Кроме того, судья слыл большим знатоком и ценителем наук, особенно математики и астрономии, хорошо знал языки, философию и даже занимался музыкой, много преуспев в композиции и вызвав тем самым восхищение у понимающих толк в этом деле.

В 1616 году Этьен Паскаль в возрасте 28 лет женился на Антуанетте Бегон, дочери сенешаля Оверни, которая была моложе своего мужа на восемь лет. Союз Этьена Паскаля и Антуанетты Бегон был основан на взаимной симпатии, и супруги, кажется, нежно любили друг друга.

Антуанетта Бегон отличалась тонким и ясным умом, беспредельной кротостью и набожностью. Простодушная, мягкая и добрая, она часто раздавала милостыню нищим, постоянно снабжала деньгами бедные семьи и как бы скрашивала своим милосердием черствую честность, судейскую суровость и непреклонность мужа.

Вскоре у молодых супругов пошли дети. Первая дочь, Антуанетта, родившаяся в декабре 1617 года, умерла, не дожив даже до своего крещения. В январе 1629 года родилась старшая сестра Блеза, Жильберта, а в октябре 1625-го — младшая, Жаклина. В июне 1623 года родился сам Блез.

Едва мальчик начал ходить, с ним, по семейному преданию, записанному много позднее племянницей Блеза, Маргаритой Перье (автором воспоминаний о своем дяде), произошел очень странный случай — ребенок неожиданно стал чахнуть: «Эта слабость сопровождалась двумя совершенно необычными обстоятельствами: одно из них заключалось в том, что он не мог пере-

носить вида воды без вспышек конвульсий; другое, еще более удивительное, состояло в том, что он не мог видеть отца и мать рядом друг с другом: он терпел их ласки по отдельности; но стоило им только приблизиться друг к другу, как он начинал кричать и биться в совершенном иступлении; все это длилось более года, в течение которого болезнь продолжала увеличиваться; он стал очень плох, и казалось, что вот-вот умрет».

В это время по Клермону распространился слух, будто Блеза глазила женщина, слышавшая колдуньей. Эта женщина находилась в числе тех бедных людей, которым покровительствовала мать Блеза, и, несмотря на множившиеся пересуды, Антуанетта Паскаль обходилась с ней по-прежнему мягко и продолжала помогать. Нервы же отца не выдержали. Однажды Этьен Паскаль пригласил «колдунью» в свой кабинет и стал угрожать, что ее повесят, если она не признается и не скажет всю правду. Бедная женщина, став на колени, во всем повинилась, прося помилования и обещая спасти умирающего мальчика: она, дескать, глазила любимого ребенка судьи в отместку за то, что тот в соответствии с законом не поддержал ее тяжёбного дела. Испуганная женщина объяснила разъяренному отцу, что к полуночи сын его должен очнуться. И действительно, между полуночью и часом, пишет Маргарита Перье, «ребенок стал позевывать; всех это необычайно удивило; его взяли на руки, согрели, дали ему немного вина с сахаром; он его проглотил; затем он взял грудь у кормилицы, не приходя еще в сознание и не открывая глаз; так продолжалось всю ночь, а к шести часам утра он стал открывать глаза и узнавать окружающих». Через три недели ребенок был полностью здоров, прекратились водобоязнь и приступы ревности.

Заглядывая вперед, скажем, что болезнь эта в жизненной судьбе Блеза — первое предвестие страданий, которых на короткий век великого ученого и мыслителя будет отпущено более чем достаточно. Болезни станут почти постоянным спутником Паскаля, придадут напряженнейший, почти трагический характер его жизни, и без того полной драматических духовных конфликтов. Можно сказать, почти вся сознательная жизнь его пройдет под знаком боли — физической, связанной с различными телесными недугами, и боли за собственные нравственные несовершенства, за несовершенство человека вообще, боли сострадательной, возвышающей, преодолевающей самое себя.

Но вернемся к обстоятельствам, сопровождавшим самую первую болезнь. Трудно заподозрить Этьена Паскаля, ученого человека и правоверного католика, в суеверии. Скорее всего, это была минутная слабость, свойственная сильно любящим людям, которые готовы поверить всему и пойти на все ради спасения дорогого и близкого им человека. Возможно также, что во всей этой истории сказался своеобразный дух эпохи. Обычно принято считать XVII столетие во Франции веком разума, зарождения позитивной науки, веком декартовского рационализма и рассудочного классицизма. Все это так. Но нередко забывается, что это сложное и неоднозначное время — век колдовства, магии, астрологии (Кампанелла составлял гороскоп маленького Людовика XIV и его дяди Гастона Орлеанского, а астроном Морен — Людовика XIII, Ришелье, польской и шведской королев; в Германии, как известно, придворной астрологией занимался одно время и Кеплер. Даже сам основатель новоевропейского рационализма Декарт, фигура, можно сказать, диаметрально противоположная всякому суеверию, просил одного друга не ставить дату рождения под его портретом, не желая давать материала составителям гороскопов). Дух колдовства витал над Францией первой половины XVII века, и эпидемии демонической одержимости охватывали иногда целые провинции, а судьи были вынуждены разбирать множество дел, связанных с дьявольским искусством, приговаривая обвиняемых к изгнанию, бичеванию, повешению, а нередко и к сожжению (так, известный судья Реми гордился тем, что ему удалось приговорить к сожжению около девятисот колдунов и колдуний).

Попасть в адепты сатаны было довольно легко. Простой донос или малейшее подозрение, не говоря уже о дурном слухе, могли служить доказательством, способствующим обвинению. В этом случае принимались к сведению и те показания, которые в обычных процессах считались недействительными (отца против сына, сына против отца, сумасшедших и т. п.). Но для вынесения соответствующего приговора необходимо было полное признание обвиняемого и его сообщников.

В чем должен был признаться обвиняемый и что требовалось доказать судьям? Согласно обширным демонологическим трактатам судьи должны выявить у преступника наличие соглашения с дьяволом, на которое намекали дьявольские стигматы на его теле, непонятное бормотание сквозь зубы и подобные признаки.

Но если таковых признаков нет или они недостаточны, следовало с юридически-рассудочной достоверностью доказать, например, наличие чар в слюне колдуньи, демонов в склянке, и важные, чинные судьи, люди образованные, читавшие Декарта и Малерба, знакомые с наиболее распространенными мнениями физиков и математиков и считавшие себя истинными христианами, со всей серьезностью занимались поисками черных котов, проверяли печные трубы, через которые ведьмы вылетали на шабашные оргии, изучали предварительно окрещенные, а затем проткнутые или расплавленные восковые фигуры (сжигая одну из таких фигур, Филипп VI приговаривал: «Посмотрим, кто сильнее — дьявол ли погубит меня или Бог спасет»), изгоняли из истеричных женщин тысячи бесов различных иерархий (например, у одной из них за восемь дней было исторгнуто 6660 демонов, 107 же — упорно сопротивлялись). Порою колдуны и колдуньи вполне искренне описывали ночные шабашы с участием дьявола, признавались в наведении порчи и подобных злодеяниях и даже хвалились своим дьявольским искусством. В этом случае у судей не было никаких проблем. Однако сатана не дремал, помогал некоторым своим адептам советами, заставлял их все отрицать, иногда делал нечувствительными к обычным пыткам. Тогда судья начинал решительную борьбу против лукавого — в дело пускались железные клинья, специальные закручивающиеся башмаки, дыба и другие устрашающие орудия, что заканчивалось обычно смущением дьявола, признанием обвиняемого и триумфом судьи. Об одной такой победе над сатаной писал судья начала XVII века Ланкр в своей книге «О непостоянстве демонов»: когда дети сожженных колдуний пришли на очередной шабаш жаловаться дьяволу, тот сказал им, что их матери живы и счастливы, а тем, кто еще находится в тюрьме в ожидании подобной участи, ничто не угрожает; однако великий лгун был разоблачен — все до единой были сожжены, а у последней при сожжении из головы стали вылезать одна за другой черные жабы; наблюдавший народ набросился на них с палками и камнями, но самой большой и самой черной удалось исчезнуть...

Любопытен тот факт, что демонологический мистицизм появляется на изломе «темного» средневековья, в эпоху зарождения гуманизма и неуклонно развивается, набирая еще большую силу, в XVI и XVII веках. Органичность средневекового миро-

воззрения, заключающаяся в живой и личной Богосоотнесенности каждой человеческой жизни и всего мироздания в целом, постепенно разрушается. Разрушение это ведет к тому, что «Божественный Промысел» все более отождествляется с обычным течением вещей, с Природой, Судьбой. Самодостаточный Натурализм, однако, не может не нуждаться в своей особой вере. И на первых порах его идолами становятся звезды, движение которых определяет судьбу человека, философский камень и драгоценные металлы, успешные поиски которых могут, по мысли алхимиков, разрешить все мировые проблемы, амулеты и заклинания, магически спасающие в беде и поражающие врага. Сами астрологи, алхимики, колдуны как бы узурпируют роль Бога, а иногда и открыто признают себя служителями сатаны. В таком натурализованном и одновременно таинственном мире рождаются темные силы бытия; за криком радости независимого возрожденца следует вздох глубокого пессимизма — таков, например, скептицизм Монтеня.

Сил много, таинственное море вселенной безбрежно, надо плыть. Но куда? Ответа не было — кругом темно и пусто. И вот из этой темноты ускользающего от понимания мира, натываясь на стопы ученых-философов, инквизиторов, судьи вытаскивают с всезнанием астролога и неутомимостью алхимика дьявола и его адептов. Церковь, исходя из фактов христианского вероучения, всегда предполагает возможность вторжения дьявола в человеческие дела и предостерегает от его воздействий. Но предостерегает она и от суеверного отношения к могуществу колдунов, от применения каких-либо внешних санкций к подозреваемым людям. В самом деле, как выявить степень участия дьявольского агента в душевной жизни человека? Кто чувствует себя способным разрешить этот вопрос и кем он уполномочен? Судьи, видимо, не задавали себе подобных вопросов. Да и зачем задавать их, когда можно раскрыть книгу известного французского гуманиста Жана Бодена «Демономания» и в богатой эрудиции и логической стройности автора найти освящение преследованиям колдунов.

Этьен Паскаль ведал другими, налоговыми, делами, но, несомненно, коллеги знакомили его с наиболее любопытными процессами. Относясь презрительно к невежеству судей, он мог тем не менее в тяжелую минуту невольно поддаться атмосфере этих процессов. Тем более что обвиняемые далеко не всегда бы-